

«Мало ли, чего вы хотите»

- Мне спину печёт.
- Мне тоже печёт.
- И голову. Я пить хочу.
- Пока нельзя.
- Я знаю.
- Зачем тогда ноешь?
- Чтобы поддержать разговор.
- Поговорим о чём-нибудь приятном?
- Ничего приятного нет.
- Вот и поговорили.

Они сидят в гнезде с яйцами. Их зовут Ови и Раптор. В их семье всех мальчиков зовут Ови или Раптор, фантазия – не сильная сторона семьи

Овираптор. А девочки у Овирапторов уже давно почему-то не рождаются. Интересно, будут ли девчонки в этой кладке? Или опять одни пацаны?

Можно предположить, что если всех мальчиков в семье зовут только Ови и Раптор, то матери легко запутаться в детях. Но это не так. Потому что их у матери осталось только двое. Вся семья — это они, Ови и Раптор, и мама. Почему так получилось? Пока что Ови и Раптор не готовы рассказать, это слишком грустная история, а они и так устали и раздражены. Может, позже.

Ну, и есть ещё новая мамина кладка — десяток яиц, на которых они сейчас восседают и которые рано ещё называть братьями или сёстрами, потому что неизвестно, кто из них вылупится. Да и о том, сколько их вылупится, говорить пока рано.

Уходя, мать сказала, что если они раздавят хоть одно яйцо, то им влетит. Это не фигура речи. Мать, когда сердится, может налететь с разбегу, как ураган, и пнуть ногой так, что сам улетишь. А это уже фигура речи. Летать Овирапторы не умеют, хотя у них есть крылья, покрытые перьями. Но поднять в воздух они не могут. Почему так? Ови и Раптор рассказали бы, но они и сами не знают. Но, раз есть перья, значит, так надо.

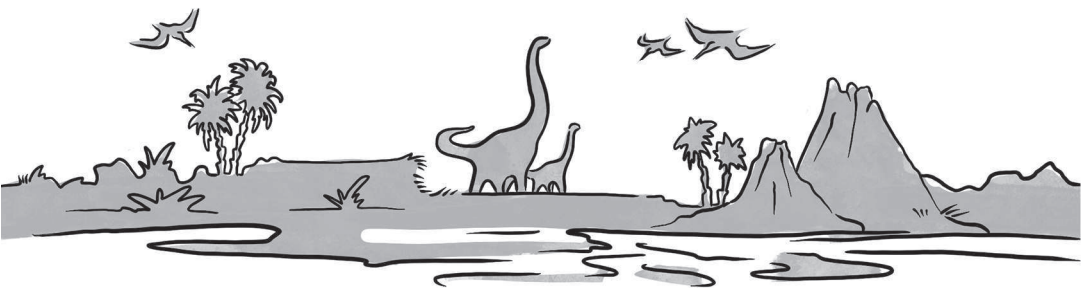

— У меня нога затекла. — Раптор осторожно вытянул ногу. Теперь он практически сидел на шпагате.

Ноги Овирапторов, длинные, мускулистые — созданы для бега. А три пальца с острыми когтями, которыми они заканчиваются, — для того чтобы расцарапать морду тем, кто суёт свой нос в их гнездо. Их гордость — могучие гребни на голове, разного цвета: у Ови оранжевый, а у Раптора бордовый с синими прожилками. У каждого Овираптора гребень своего цвета. Гребень — это, во-первых, красиво, а во-вторых — он помогает раздвигать заросли кустов. Крылья-то легко могут запутаться. А у мамы гребень бледный. Раньше он был красный, но выцвел, мама говорит, что от невзгод.

Вы, может быть, представили больших и грозных динозавров, но следует внести ясность. Овирапторы в длину метра полтора, максимум два. И весят они по 20–30 килограммов — примерно,

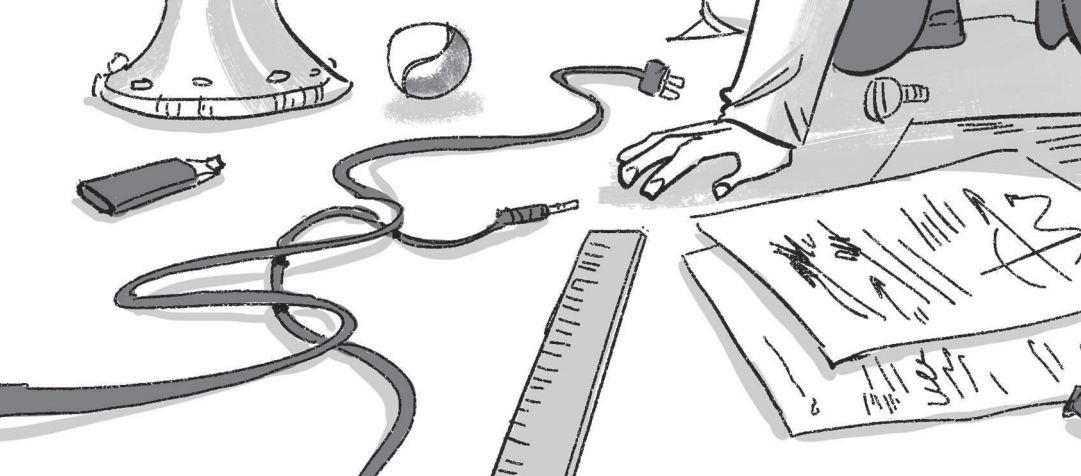
как первоклассник. Поэтому расцарапать морду получается не каждому, а только тем, до чьей морды можно дотянуться. От остальных же приходится убегать. И этих *остальных* очень, очень много кругом. Так что бегают Овирапторы часто.

— Когда уже мама придёт?

— Ты же знаешь, что я не знаю.

Ови и Раптор знают одно — они сильно хотят пить. И есть. И побегать по округе. И сходить поиграть к валунам. Но ничего этого пока нельзя. Даже чесаться надо осторожно, чтобы не раздавить будущих братьев и сестёр. Даже переговариваться приходится тихо, чтобы кто-нибудь из *остальных* их не услышал.

Тень от дерева-платана уже переместилась с их тел на песок, но они не могут за ней последовать. Озеро рядом манит прохладной водой и шуршанием волн о песок. И рыбками, и прибрежными моллюсками. Но и к нему пока нельзя. Тоска-а-а-а-а-а...

Эта машина времени отнимает столько времени!

Учёный Альберт В. положил усталую голову на пачку листов, исписанных непонятными, но очень важными формулами. Господи, как же он устал. Полгода работы мозга на пределе. Полгода изматывающих размышлений. Все его средства вбуханы в этот проект. Он отказывал себе в удовольствиях. В элементарном отдыхе, в конце концов.

Но скоро он будет вознаграждён. Сегодня он начнёт новую серию испытаний своей машины времени. Шесть месяцев он бьётся над ней, но стоит только приступить к запуску, как снова выясняется, что в расчёты вкралась ошибка. Альберт В. терпеливо исправляет допущенную оплошность.

Сверяет расчёты. По-новой настраивает машину.
Настраивает себя снова на успех.

Но сегодня он совершенно уверен в том, что машина заработает. Стыдно сказать, он уже готов был сдаться, но появление новых элементов вдохнуло в него и в его проект свежие силы. Уже сегодня всё случится.

Альберт В. практически задремал, но встрепенулся. Спать нельзя. И нельзя жалеть себя за пять минут до победы, как бы ты ни устал. На кону гораздо больше, чем крепкий сон в уютной постели. Скоро он увидит динозавров своими глазами.

Он ещё раз сверился с расчётами. Ну, машина, не подведи. Он встал в самый центр платформы переноса, на которой красовалась надпись «**Меловой период**». Сглотнул, зажмурился и нажал кнопку «**Пуск**».

К динозаврам!

Смотри, куда прёшь!

Раптор подпрыгнул на кладке. Ему показалось, что в ухо ему залетела пчела и жужжит там. Он потряхнул головой, но звук по-прежнему его преследовал. Ови тихо сопит рядом — он тоже уснул. Мамы нет. Да что за писк? Яйцо трескается?

— Мальчики! Мальчики! Проснитесь! — явственно услышал он наконец.

На Раптора упала тень, которой в это время суток тут быть не должно. И тогда он окончательно проснулся.

— Да очнитесь же вы! Эй! Тревога! — продолжал пищать голосок.

Тень. Это значит, рядом с кладкой находится кто-то очень большой. Это уже не тревога, это катастрофа! Так и есть. Они проспали какого-то хищника в два раза больше них, и тот уже рядом, буквально нависает над ними.

Но, слава великому светилу, это оказался не хищник. Раптор выпрыгнул из гнезда — и вовремя. Он приземлился под ноги Трицератопсу Топсу.

→ → → → → → → → → → → → → → → →

Тот увлечённо разгребал рылом песок, и уже подкапал их кладку.

— Эй! — Раптор толкнул Топса ногой. Тот поднял морду — и, испуганно хрюкнув, отскочил на своих четырёх коротеньких толстых ножках.

— Господи! Нельзя же так пугать! — выдохнул Топс.

— Тут не место для игр! Ты чуть яйцо не раздавил!

Наконец-то и Ови проснулся и тоже выскочил из гнезда. Чуть собственную смерть не проспал. Если бы Топс наступил на Раптора, это ещё могло бы закончиться благополучно, но Ови он бы точно раздавил*¹. Ови мельче Раптора, хоть они и одного возраста.

¹ Здесь и далее под знаком «*» мы будем приводить **Комментарий Учёного К** этому **Утверждению** (поскольку их будет ещё много, далее везде сокращённо «**КУ-КУ**»).

Немного о том, как выглядел трицератопс, расскажет тот факт, что первые найденные его останки исследователи приняли за кости бизона. А название его переводится как «трёхрогоя морда». Один маленький рог располагался на носу, два других — над глазами. Добавим к облику «бегемотья» ноги (на задних по четыре пальца, на передних по три) — и получится очень милый крепыш. Взрослый трицератопс мог достигать в высоту двух с половиной метров и восьми в длину, как небольшой автобус. Рациона он придерживался растительного. Топс легко мог бы задавить Ови и Раптора мышечной массой, но даже при своём уме он знает, что прежде ему придётся ощутить на себе силу клювов овираторов. Зубов у них, допустим, нет, но они спокойно раскусывают панцири крабов и ракушки.

— Ты что творишь? — Ови тоже пнул Топса. — Полгнезда нам перерыл.

— Я вас не заметил! Вы хоть бы знак какой поставили.

— Чтобы нас нашли?

— Да вы сами разберитесь, что вам нужно — чтобы вас нашли или, наоборот, не нашли?

Можно было бы объяснить Топсу, почему они не поставили предупредительный знак, но Трицератопс с трудом понимает и более очевидные вещи.

— Ты и так знаешь, что мы тут. Не первый раз приходишь.

— Да забыл я, честно!

— Дорогу домой-то помнишь? Вот и иди.

Топс раздул своё жабо. Покачал массивной головой. Понятно: он прикидывает, каким может быть исход схватки, если она случится. Переломать эти тонкие ноги вполне в его силах. Но клювы, клювы... Они попортят ему шкуру. Бодрствующий Овираптор — совсем не то, что спящий.

Трицератопс, наконец, развернулся и потопал к зарослям, сопя и увязая ногами в песке. Даже со спины было понятно, что он зол и обижен. Раздутое жабо топорщилось вокруг шеи, будто он натянул на неё надувной спасательный круг, в котором ему трудно дышать.

— Ой, даже если бы и растоптал несколько яиц... — прошипел он. — Моя мама говорит, что этим я оказал бы вашей мамаше услугу. Ей и вас-то не прокормить, тонкошеих обормотов. Сколько у вас там их? Десять? Ещё десять лишних ртов.

Через долю секунды он ощутил на своей шкуре частые удары четырёх ног.

— Маму нашу не трожь!

— Идите обратно в гнездо, наседки, — пыхтел Топс, — а то ваших братишек солнышко напечёт, и они сварятся.

Тут он был прав.

К счастью, все десять яиц были целы.

— Интересно, а кто нас разбудил? Ты слышал этот голос? — поинтересовался Раптор.

— А был голос? — удивился Ови.

— Это я кричала, — сказал кто-то рядом.

До Мелового периода не подкинете?

Машина стала издавать мелодичные сигналы, на платформе начали сменять друг друга цифры. Замерцали лампочки. Альберт В. закрыл глаза и приготовился. Кажется, воздух стал более влажным и в нём различаются ноты свежей листвы и чего-то неизведанного, о чём он совсем скоро узнает. Машина замолчала. Повисла тишина. Очень многозначительная тишина.

Учёный открыл глаза. Он по-прежнему был в своей лаборатории. Перед ним — пачка всё тех же расчётов. Лежит на том же столе. Он всё ещё в 21 веке! Машина работает, но по-прежнему отказывается делать то, что от неё требуется — переносить его к динозаврам!

Альберт В. стукнул по столу, отчего бумаги разлетелись. Придвинув к столу стул, он сел на него и положил перед собой чистый лист. Что ж, работу надо продолжать. Но уже скоро он склонил голову на столешницу. Потом он сделал то, о чём никто никогда не узнает — заплакал. Полгода напряжённой работы коту под хвост. Незаметно для себя учёный Альберт В. уснул.

Незванный гость хуже млекопитающего

— Это я кричала, — повторил голосок.

Раптор наконец увидел сидевшую у него под ногами мышь. Или крысу. Он не очень разобрался в подобных вопросах. Млекопитающие — существа низшего порядка. Какая-то генетическая ошибка природы. Водиться с ними динозаврам зазорно. Но эта мышь оказала им услугу.

— Вы разбудили нас?

— А кто же ещё?

— Спасибо!

— Знаете, мальчики, — сказала мышь, — я ж всё прекрасно понимаю. Как трудно вашей маме. Как все вы устаёте.

— Это да.

— Я сама осталась без мужа с двумя маленькими детьми. Пришёл такой вот... Трицератопс — и топ-топ: растоптал моё гнездо. Только двое деток у меня осталось. Теперь одна их поднимаю. Дети, покажитесь! — крикнула она.

Из-за близлежащего камушка высунулись две малюсенькие мордочки и с тревогой уставились на Овирапторов.

— Крошки мои, — сказала мать. — Им тоже пришлось раньше времени повзрослеть. Вы молодцы, что матери помогаете. Даёте ей возможность уходить, чтобы добывать пропитание.

— А вы теперь куда же?..

— Пойдём новую нору строить. Передохнём немножко и дальше побежим. Доберёмся до ближайшего леска, там где-нибудь окопаемся. Вы не беспокойтесь, мы вам мешать не будем. Посидим под тем вот листиком и дальше пойдём мыкаться.

Мышь с детьми укрылись под высохшим листом магнолии. Вскоре оттуда донёсся её тревожный писк:

— Дети! Надо поспать, пока есть возможность. У нас впереди трудный день... Много трудных дней.

— Ну мама!

— Не мамкай.

Раптор и Ови сосредоточенно подгрестили ногами песок там, где орудовал Трицератопс.

— Хорошо он тут порылся. Слава светилу, мышь нас разбудила...

— Рой давай, не разговаривай. Мама скоро придёт.

— Я рою!